

Е. А. ДОЛГОВА

**КОНСПЕКТ СЛУШАТЕЛЯ ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
ПО ИСТОРИИ, ИЛИ О ВОЗМОЖНОСТЯХ ДИАЛОГА
В УЧЕБНОЙ АУДИТОРИИ В 1930-е гг.**

Анализируя лекционный конспект слушателя Института Красной Профессуры за 1935-1936 учебный год (конспекты лекций В.В. Струве, В.С. Сергеева, Е.А. Косминского, П.С. Дроздова, С.А. Пионтковского, С.В. Бахрушина), автор исследует саму возможность диалога в студенческой аудитории («икаписта» и «буржуазных профессоров») и делает вывод о том, что хотя исторический нарратив, созданный преподавателями ИКП, соответствует идеологическим требованиям власти и написан в рамках марксистской методологии, с некоторым (незначительным) использованием цитат классиков марксизма-ленинизма, «полемически заострен» против представителей буржуазной историографии, а тематика исследования выбрана с учетом классового подхода, в исследовательской методике, подходе к объекту изучения, а также в организации и атрибутике дидактических текстов преподавателя Института Красной Профессуры отчасти воспроизводят классический позитивистский вариант науки.

Ключевые слова: *Институт Красной Профессуры, «буржуазные» профессора, лекция, коммуникация, исторический нарратив, позитивизм, марксизм*

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) сохранился любопытный источник личного происхождения – лекционный конспект слушателя Института Красной Профессуры Истории Сергея Никифоровича Круглова за 1935-1936 учебный год¹. Две студенческие тетради с подробными записями лекций профессоров и преподавателей Института красной профессуры оказались доступны благодаря карьерным позициям автора: Сергей Никифорович Круглов в 1950-е гг. стал одним из руководителей органов государственной безопасности СССР, наркомом (министром) внутренних дел СССР, сменив на этом посту Л.П. Берию. Объем выявленного источника значителен – он составляет 206 архивных листов, в пересчете на редакторские знаки – 8 п.л.: слушатель усердно посещал занятия, тщательно конспектируя лекции по специальности. В обнаруженном документе – записи лекционных курсов за 1935/1936 учебный год по истории Востока (лектор – Василий Васильевич Струве), истории Древних веков (Владимир Сергеевич Сергеев), истории Средних веков (Евгений Алексеевич Косминский), истории народов СССР в Древние и Средние века (Петр Степанович Дроздов), истории СССР в Новое время (Сергей Андреевич Пионтковский) и этнографии народов СССР (Сергей Владимирович Бахрушин). Этот част-

¹ ГАРФ. Ф. 10146. Оп. 1. Д. 5. Тетради с записями Круглова С.Н. лекций профессоров и преподавателей Института Красной профессуры. 1935-1936. Авторизованный автограф, подлинник, чернила, карандаш, авторская пагинация, на 206 л.

ный студенческий конспект, отличающийся от отредактированных стенограмм лекций, характеризуется полнотой (за год слушатель пропустил всего одну лекцию по курсу Е.А. Косминского, зафиксировав при этом ее отсутствие в конспекте); синхронностью написания (конспект фиксирует логику лекций, передавая уникальную авторскую манеру их чтения, речевые обороты, ошибки и неточности письменного воспроизведения устной речи); аккуратностью, почти педантичностью его ведения (записи подробны, при заполнении конспекта слушатель ставил дату лекции, указывал имя лектора, название темы, тщательно записывал рекомендованную литературу). Важно, что конспект принадлежал слушателю I года обучения: курсы первых двух лет были общими для всех обучающихся, более узкая специализация начиналась позднее. Указанные особенности позволяют рассматривать конспект как источник по организации учебного процесса в Институте красной профессуры, а также – в силу научного авторитета лекторов – как интересный историографический источник середины 1930-х гг.: он содержит любопытные трактовки исторических событий с глубокой древности до 1730 г.

Обладая безусловным информационным потенциалом исторического и историографического источника, выявленный студенческий конспект интересен и в антропологическом ракурсе – с точки зрения ответа на вопрос об особенностях профессионального, идейного, межпоколенческого диалога в Институте Красной Профессуры. О чем говорили в своих лекциях «старые» и «новые» профессора? В какой степени они привлекали формулы марксизма для иллюстрации лекционных тезисов? Отмечалась ли преемственность их курсов с дореволюционным преподаванием (в т.ч. с точки зрения методики)? И напротив – как воспринимали слушатели «буржуазных» профессоров? не превращались ли лекции последних в монолог в силу низкой академической подготовки студенческой аудитории и, в этом случае, могло ли быть качественным и глубоким профессиональное образование в ИКП? Наконец, стремились ли к диалогу обе стороны образовательного процесса? И где обнаруживаются болевые точки аудиторных соприкосновений?

Поиск ответов на эти вопросы сопряжен с тщательным источниковедческим анализом документа. Подчеркнем, что поставленная исследовательская задача увязана с выводами более широкого исследования комплексной истории Института Красной Профессуры (1921–1938), одного из элитарных учебных заведений, созданных после Революции 1917 г. для подготовки «новых» преподавательских и научных кадров по общественно-экономическим дисциплинам [Козлова 1994]. Внимание к формализованным индикаторам, зафиксированным в делопроизводственной и статистической документации, характеризующим финансовое и инфраструктурное обеспечение работы ИКП, его кадровый состав, результативность работы как научно-образовательного центра и

т.д., а также установка на преимущественное изучение материалов делопроизводства, обработка их методами социальной статистики² позволили скорректировать ряд суждений об ИКП (об идеологической однородности научных и педагогических кадров; специфике их социального происхождения, условиях профессионального становления и трудоустройства), основанных на привычной трактовке роли учреждения как «боевого участка коммунистической науки». Однако на заключительном этапе исследования возникла необходимость привлечь источники личного происхождения – документов человеческой жизни и личной памяти, позволяющих рассмотреть за формализованной статистикой субъективное и частное. Таким источником и стал для нас выявленный конспект слушателя одного из отраслевых Институты Красной Профессуры – ИКП истории – за 1935–1936 учебный год. Прежде всего, охарактеризуем участников диалога – слушателя и его преподавателей.

Автор конспекта Сергей Никифорович Смирнов был зачислен в ИКП истории с 1 сентября 1935 г. и обучался до 23 января 1938 г. [ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 1. Д. 385. Л. 33]. Пришел на студенческую скамью он не вполне обычным путем – перевелся из японского отделения особого сектора Московского института востоковедения им. Н. Нариманова при ЦИК СССР. Он был не единственным переведенным слушателем в тот год. Динамика наборов 1931–1937 гг. представлена в табл. 1.

Табл. 1. Количество слушателей, поступивших в ИКП истории: 1931–1937 гг.

Учебный год (набор)	Количество поступивших слушателей
1931–1932	123
1932–1933	22
1933–1934	6
1934–1935	34
1935–1936	68
1936–1937	64

ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Докладная записка о работе ИКП истории с 1931 г. Л. 3.

Набор слушателей в ИКП истории в 1935 г. был шире, чем в предшествующие годы отчасти за счет открытия Отделения истории Востока. Набор на эту специализацию был произведен из состава студентов особых секторов Московского и Ленинградского Институты востоковедения. Всего на первый курс было зачислено 24 чел. (21 японист, 3 китаиста) [Оп. 4. Д. 2. Л. 20]. Их выпуск должен был состояться в 1938 г. Важно отметить, что слушатели восточного отделения пришли в ИКП, минуя проверку мандатной комиссией и процедуру вступительных испытаний, простым академическим переводом. Это обстоятельство сняло проблему наличия обязательного 10-летнего (для рабочих 8-летнего)

² Напр., однолинейный статичный анализ профессорско-преподавательского состава ИКП в 1937 г., реализованный с помощью «Statistical Package for the Social Sciences».

партстажа, не вполне благонадежного социального происхождения, возможно, отличавшего анкетные листы некоторых слушателей.

Табл. 2. Распределение слушателей ИКП истории наборов 1934-1937 гг.: партстаж

Набор, учебный год	Итого	1917	1918-1920	1921-1924	1925-1930
1934-1935	34	3	13	7	11
1935-1936	68	3	7	10	48
1936-1937	64	1	5	5	53

ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Докладная записка о работе ИКП истории с 1931 г. Л. 3.

Слушателей с давним партстажем было меньшинство. Особенно это заметно в год поступления С.Н. Круглова и следующий за ним: несмотря на аккуратную формулировку статистической сводки, нам представляется, что у многих слушателей партстаж не достигал до искомым 10 лет. Дело в том, что подходящих под этот формальный критерий кандидатур слушателей для поступления в ИКП было не так много, даже учитывая мобилизованных с мест [ГАРФ. Ф. Р-5146. Оп. 1. Д. 9. Л. 43]. К Сергею Никифоровичу это не относилось: он вступил в партию в 1928 г., до этого же с 1923 г. состоял в ВЛКСМ [Оп. 1. Д. 385. Л. 2].

Второй важный аспект – социальное положение слушателей:

Табл. 3. Распределение с наборов 1934-1937 гг.: социальное положение

Набор, учебный год	ИТОГО	Рабочих	Крестьян	Служащих	Прочих
1934-1935	34	11	15	6	2
1935-1936	68	24	15	29	
1936-1937	64	22	9	33	

ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Докладная записка о работе ИКП истории с 1931 г. Л. 4-5.

Обращает на себя внимание невысокое количество рабочих и, напротив, значительное число «служащих» среди слушателей ИКП. На деле первых было еще меньше: в отличие от партстажа, этот критерий мог фальсифицироваться: так, указание на социальное «происхождение» часто подменяли «социальным положением». Поставленную задачу «орабочения» состава слушателей в какой-то мере помогло решить снижение партстажа для рабочих. Однако при всех усилиях процент выпускников из социально благонадежных категорий «рабочих» и «крестьян» был не столь высок. Сергей Никифорович в этом отношении был в ИКП на хорошем счету: согласно автобиографии, он происходил из семьи «бедных крестьян», с 1913 г. его отец был рабочим в Ленинграде [Л. 4], а сам Круглов работал подпаском, слесарем-ремонтником, старшим инструктором-механиком учебно-опытного зерносовхоза (Кустанай, 1930), служил в РККА, был партторгом и пропагандистом [Л. 2].

Наконец, ответим на вопрос – какой была академическая подготовка слушателя? был ли он готов слушать лекции профессоров в ИКП?

ИКП был третьим вузом в академической судьбе Круглова. С ноября 1931 г. он учился в Московском индустриально-педагогическом институте им. К. Либкнехта (окончил три курса экономического отделения) [Л. 3]. В 1934 г. «был мобилизован ЦК ВКП(б) на учебу в особый сектор Московского института востоковедения им. Н. Нариманова при ЦИК СССР» [Л. 5], отучившись там год, оказался в ИКП истории. Несмотря на перерывы в обучении, стаж академической работы слушателя на момент зачисления в ИКП составлял 4 года: учебная аудитория была для него привычна. Посмотрим, как обстояло дело с его однокурсниками.

Табл. 4. Распределение слушателей 1934-1937 гг.: академическая подготовка

Набор, учебный год	ИТОГО	Высшее	Среднее	Комвуз
1934–1935	34	8	4	22
1935–1936	68	15		55
1936–1937	64	22		40

ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Докладная записка о работе ИКП истории с 1931 г. Л. 4.

Итак, анкетные данные С.Н. Круглова выглядели очень пристойно: социальное происхождение, ранний партстаж, полученное «кавалерийской атакой» высшее образование в объеме комвуза. Чистота анкеты будущего работника НКВД и студента особого сектора Московского института востоковедения им. Н. Нариманова при ЦИК СССР настолько безупречна, что даже вызывает сомнения в ее подлинности. Круглов посещал занятия аккуратно, хотя обзорные курсы по истории не являлись предметами по специальности и не входили в число тех, по итогам которых держались переводные испытания при переходе на второй год обучения. Данные ему характеристики свидетельствуют, что слушатель производил положительное впечатление на профессорско-преподавательский состав: Круглова описывали как «способного», по всем дисциплинам он шел «ровно», стабильно занимался на «хорошо» и «при большей работе дома мог бы заниматься еще лучше» [Л. 24]. Таким образом, слушатель был знаком с принципами академической работы, был готов слушать профессоров, хотя, вероятно, в силу обрывочности образования и не вполне мог понимать какие-то детали лекций.

Обратимся к другой стороне диалога: кто учил будущего «красного профессора»? кем были его преподаватели? Согласно записям, с сентября 1935 г. по май 1936 г. слушателю были прочитаны курсы следующих преподавателей. В первом семестре занятия вели П.С. Дроздов, В.В. Струве и В.С. Сергеев. П.С. Дроздов прочитал с сентября 1935 г. по февраль 1936 г. 12 лекций по истории народов СССР в Средние века, завершив их событиями Люблинской унии³. Академик В.В. Струве (основным местом его работы был Ленинград, в Москве он находился в ко-

³ Там же. Ф. 10146. Оп. 1. Д. 5. Л. 3-54об., 200-204об.

мандировке) прочитал всего пять лекций по истории Древнего Востока в сентябре-октябре 1935 г. [Л. 55-70об.]. Его курс продолжили (до февраля 1936 г.) 18 лекций В.С. Сергеева по истории Древнего мира от Греко-персидских война до падения Римской империи [Л. 70об.-124, 128-132об.]. Второй семестр открыли 17 лекций профессора Е.А. Косминского по феодализму, продолжавшиеся все второе полугодие (февраль – конец мая 1936 г.) [Л. 124об, 133-166об.]. Курс истории России Нового времени читал в это же время С.А. Пионтковский, завершив последнюю, 15-ю лекцию Кондициями Анны Иоанновны [Л. 168-171, 173-200]. Кроме того, в середине апреля были прочитаны две лекции С.В. Бахрушина о народах Сибири в XV–XVII вв. [Л. 171об-172об.].

Кем были эти преподаватели, стоявшие за профессорской кафедрой в ИКП? Выявленные в составе фонда ИКП истории в ГАРФ анкетные листы отмечают любопытные факты их биографий⁴. Так, из шести читавших курсы преподавателей в партии ВКП(б) состояли лишь двое – С.А. Пионтковский и П.С. Дроздов. Безукоризненное социальное происхождение было только у П.С. Дроздова; В.В. Струве в анкете открыто записал происхождение «из дворян», С.В. Бахрушин происходил из московской купеческой династии, С.А. Пионтковский – из семьи профессора, заведующего кафедрой уголовного права в Казанском университете, Е.А. Косминский – из семьи учителя, позднее – директора гимназии. Не вполне корректна отметка о социальном происхождении В.С. Сергеева: отметив происхождение «из крестьян» (по матери), он не упомянул, что его отцом был Константин Станиславский. Что касается академической квалификации, она была более чем высокой: почти все указанные преподаватели имели ученые степени и звания (порой полученные до Революции), знали несколько иностранных языков, являлись выпускниками известнейших alma-mater. Лишь П.С. Дроздов был молод на их фоне (1900 г.р.) – он пришел в ИКП в 1934 г. и являлся одним из его выпускников. Все указанные преподаватели работали в ИКП по совместительству, совмещая преподавание с работой в журнале «Историк-марксист» (П.С. Дроздов), в Академии наук и Ленинградском государственном университете (В.В. Струве), Московском государственном университете (Е.А. Косминский и В.С. Сергеев) и т.д.

Таким образом, пять из 6-ти преподавателей были теми, кого в речевой практике тех лет именовали «буржуазными профессорами»⁵. Как

⁴ Там же. Ф. Р-7668. Оп 1. Д. 2401. Л. 18-19.

⁵ Об употребимости дефиниции см., напр., воспоминания А.Г. Авторханова о попытке слушателей обратиться с жалобой в учебную часть, апеллируя к политической неблагонадежности проф. П.Ф. Преображенского. На это им был дан неожиданный ответ: «что профессор Преображенский не марксист, а буржуазный ученый. ЦК знает и без вас, но что вы такие простофили – мы узнаем впервые. Учитесь у Преображенских фактическим знаниям до тех пор, пока не будете сильнее их и в буржуазных

относились к ним слушатели, возникали ли проблемы в коммуникации? Как вспоминал А.Г. Авторханов, трудности были: «Косминский читал лекции на тургеневском языке и в оксфордском стиле бывшим комсомольцам, которые еще вчера кричали “дадим лордам по мордам”! В его лекциях, разумеется, марксизм и не ночевал, но он был доподлинный плюралист англосаксонской школы: у него все научные гипотезы имели право на гражданство, в том числе и марксизм, но едва ли он когда-нибудь заглядывал в «Капитал» Маркса или «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса, совсем уже не говоря о Ленине»⁶. Где же была точка коммуникации столь разных слушателей и преподавателей? Безусловно, ею стало лекционное пространство. Сразу оговоримся, что с лекциями в ИКП дело обстояло не просто: эта форма аудиторной работы на тот момент еще не устоялась, на протяжении многих лет основным методом преподавания была работа в семинариях. Как правило, они носили тематический характер: действовали семинары А.Н. Савина и Е.А. Косминского, посвященные Английской революции; семинар Н.М. Лукина по изучению Великой французской революции и др. Курс проблемных лекций появился только в 1932/33 г., очень часто они имели постановочный, историографический характер; основной же акцент делался на самостоятельную исследовательскую работу слушателей. Ситуация изменилась в 1935 г., когда проверка знаний слушателей и наличия учебных программ показала, что система учебы в Институте не обеспечивала серьезного изучения исторических дисциплин (как отмечалось в периодике того времени, наиболее полно была представлена история революций, рабочего движения и совершенно неудовлетворительно давалась гражданская история, в итоге «весь курс строился слишком методологически, пренебрегая хронологией и знанием фактов»). В связи с этим ранняя специализация была заменена на получение систематического общеисторического образования: с 1935 г. I курс посвящен целиком изучению древней и средней истории, II – новой и новейшей истории; а с III курса слушатели специализировались по соответствующим их специальности разделам истории⁷. Поэтому конспект интересен и как историографический факт, фиксирующий практику введения новой формы аудиторной работы в ИКП – лекции.

В какой степени могли преподаватели в этих лекциях отразить собственное видение исторического процесса? В каких рамках они были ограничены учебной программой? В документации 1935 г. был выявлен проект организации педагогического процесса в ИКП истории [там же].

науках. Вот тогда мы вышибем Преображенских, а вас поставим на их место. Но ни днем раньше. Вернитесь в Институт и продолжайте семинар!». Авторханов 1983.

⁶ Там же. О возникающих время от времени конфликтах между слушателями и профессорами «старой» школы см. также: Берендт 2002.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Л. 8.

В нем давались установки по упорядочению отдельных элементов педагогического процесса – вводной лекции, обязательного вступительного слова руководителя, обязательной коллективной консультации, индивидуальной добровольной консультации, проверочной конференции и перекрестного зачета (с 1934 г.), но отметим главное – вопросами качества и информационного наполнения лекций кафедры никогда не занимались, сосредотачиваясь лишь на составлении проектов программ и учебных планов. При этом, как отмечено в документе, «за все годы не было случая, чтобы проекты программ превратились в настоящие программы» [там же, Л. 13]. Косвенно этому способствовала постоянная перекройка образовательного процесса в ИКП. В конечном итоге, информационное наполнение курса оставалось за конкретным преподавателем, чему способствовала их высочайшая квалификация. Итак, о чем говорили в своих лекциях «старые» и «новые» профессора? Выделим основные характеристики построения исторического нарратива в ИКП Истории.

Анализируя содержание конспекта С.Н. Круглова, можно заметить преимущественно хронологический, повествовательный принцип построения лекции. Лекции максимально фактографичны и описательны, за основу исторической периодизации лекторами берутся конкретные события (Греко-Персидские войны, Падение Римской империи, Люблинская уния и т.д.). Изобилуют нюансами и яркими акцентами лекции В.С. Сергеева. Конкретны, близки к сжатому этнографическому описанию лекции С.Ф. Бахрушина. Выделяются лекции Е.А. Косминского: историк иллюстрировал богатым фактологическим материалом феодализм как отдельный исторический этап, апеллируя к данному ему определению в трудах марксизма-ленинизма; он единственный и выстраивал периодизацию курса не от фактологии, а в соответствии с марксистским пониманием исторического процесса (хотя А.Г. Авторханов и укорял его в незнании основных положений марксизма).

В чем причина подобной описательности без методологии? При нехватке аудиторных часов, фактологической насыщенности курсов и невысокой (во всяком случае, узкопрофессиональной) подготовке слушателей лекции имели целью в короткое время закрыть лакуны в их знаниях. Косвенно об этом свидетельствуют попытки лекторов ввести в повествовательный нарратив основные понятия других курсов, знание которых было необходимо для «красных профессоров», экстренно овладевающих профессией историка. Так, элементы курсов источниковедения, археологии и археологии присутствуют в лекциях по истории Древней Руси П.С. Дроздова. Усложнял лекции, характеризую историографию той или иной проблемы (включая зарубежную) В.С. Сергеев. К историографии обращался и Е.А. Косминский, рекомендуя слушателям дополнительную литературу для прочтения. Другой причиной методологических умолчаний была неустойчивость исторических трактовок

и терминов – давать им жесткие и четкие определения в аудитории было опасно (ниже мы скажем о приемах, с помощью которых лекторы обходили «трудные» места). Третью причину мы обнаруживаем в некотором сохранении дореволюционной методики чтения лекций.

Преемственность лекционных курсов с дореволюционным преподаванием особенно ярко выражена в списке литературы, который рекомендовали В.В. Струве, Е.А. Косминский и В.С. Сергеев⁸. В список по истории Средних веков включены работы Д.М. Петрушевского (учителя Косминского), Дж.Р. Грина («История Англии и английского народа»), Э. Лависса и А.Н. Рамбо («Эпоха крестовых походов»), Б. Куглера («История крестовых походов»), Ф.И. Успенского («История Византийской империи»). Привлекла внимание лектора и проверенная временем «Хрестоматия по истории средних веков» М.М. Стасюлевича. Однако не все работы были из курса дореволюционных университетов, например, «Капитал» Маркса. В списке В.С. Сергеева по истории Античности – труды Б. Низе, Т. Моммзена, Г. Ферреро, К.В. Нича, Р.Ю. Виппера, М.М. Хвостова, С.А. Жебелева и даже эмигранта М.И. Ростовцева; с ними соседствуют работы Маркса и Энгельса (сборник под ред. С.И. Ковалева «Об античности» и «Происхождение семьи, частной собственности и государства»). Список В.В. Струве был краток: он включал указанный сборник «Маркс и Энгельс об античности» и «Маркс и Энгельс о религии», а также труды Б.А. Тураева, Р.Ю. Виппера, Д.Г. Брестеда и Г. Масперо. Собственные работы рекомендовали к прочтению В.В. Струве («Очерки социально-экономической истории Древнего Востока») и В.С. Сергеев («История Древнего Рима (империи)»). Таким образом, марксистская литература для прочтения была предложена минимально.

Однако обойти марксизм в ИКП едва ли было возможно. Зададимся вопросом – в какой степени профессора привлекали его формулы для иллюстрации лекционных тезисов? Сознательно или невольно лекторы путали студенческую аудиторию и играли с ней в риторические игры: так, о скифах П.С. Дроздов говорил: «Характер скифского захоронения говорит о том, что широко развито рабство, ибо они больше связаны с греками, у которых было рабство. Но по отношению к своим народам вожди выступали как феодалы» [Л. 11об.]. В другом месте он отмечал: «В городе преобладали рабские отношения, в сельском хозяйстве отношения для нас не ясные» [Л. 12]. Интересна трактовка С.А. Пионтковским исторического образа Петра I: «Петр в бытовом и идеологическом отношении революционер. Но он поддерживался феодальной верхушкой – здесь противоречия. Объясняется тем бытом, в котором воспитывался Петр (как обычный средний землевладелец» [Л. 174об.]. Порой забывался В.С. Сергеев: подробно охарактеризовав классовый характер

⁸ Сохранился в виде отдельного машинописного листка-перечня: Ф. 10146. Оп. 1. Д. 5.

«грандиозного восстания рабов» на Сицилии [Л. 115], в рассказе о восстании Спартака он проговаривался: «программа рабского движения – не быть рабом» [Л. 120].

Наиболее явно к марксизму апеллировали (кроме Е.А. Косминского) С.А. Пионтковский и В.В. Струве. Подробно говоря о рабовладении, Струве делал акцент на важности формирования ирригационной сети как ключевого для сформулированного им «азиатского способа производства»: «Родовая знать сгоняет много рабов для регулировки реки и создания ирригационной сети. Основная работа рабов – переноска тяжестей и землекопная работа. Рабов было так много, что они не могли управляться только знатью. Требовалась помощь народных масс, и родовая знать управляет рабами при помощи народа. Но сам народ угнетается знатью, ибо она владеет ирригационной сетью» [Л. 57]. В лекциях Пионтковского встречаем характерные для 1930-х гг. неожиданные трактовки: так, говоря о расколе XVII в., Пионтковский отмечал, что «уход из мира в пустыни, уход из жизни (самосожжение) мы имеем как форму классового борьбы с феодализмом» [Л. 181]. К марксизму Пионтковский логично обращался и для объяснения экономических терминов, например, мануфактуры («понятие мануфактуры Маркс связывает с вопросом в какой форме происходит эксплуатация рабочего, как происходит присвоение прибавочного продукта, организация самого труда и концентрация средств производства в одних руках» [Л. 185]. Легко марксизм было обнаружить и в социальных движениях: например, Пионтковский характеризовал социально-политическую программу восстания Болотникова (в записи слушателя) так: «холопы должны убивать бояр, передача имущества бояр, феодалов-эксплуататоров уничтожить, уничтожить крупных купцов. Движение антифеодалное» [Л. 189].

Новыми были некоторые трактовки исторических событий и характеристики исторических персонажей. В лекции П.С. Дроздова доказывалась несостоятельность норманнской теории и недостоверность летописного рассказа о призвании варягов [Л. 20]. Необычна оценка Куликовской битвы: «Поражение татар дорого стоило русским. Мамай скоро убит своим противником Тахтамышем. Тахтамыш укрепил Золотую Орду, консолидировал ее и объединил все районы» [Л. 204-204об.]. Ранним, по мнению лектора, было становление Московского государства как колониального со времени присоединения зырян, остяков и мордвы в правление Ивана III [Л. 203]. Порой высказывания лекторов были резко оценочными, но не вполне понятно, кому принадлежат некоторые формулировки – лектору или записывающему слушателю. Так, о развитии археологии в XIX в. записано: «в качестве археологов выступают помещики, скукающие от бездельничества», а ее прорыв, согласно записям слушателя, оказался возможен только после Революции 1917 г., когда «был создан ряд археологических учреждений», главным

из которых был ГАИМК (лекция П.С. Дроздова) [Л. 4об.]. На лекции В.С. Сергеева записано, что «*социальное ядро сената – подонки римской аристократии*» [Л. 128]. Цицерон обозначен как «*типичный выразитель идей рабовладельческого мира, консерватор*» [Л. 121]. В лекции Е.А. Косминского записано определение феномена Жанны Д'Арк как «*знамени реакции и фашизма (монархических партий)*» [Л. 163об.]; первое было особенно актуально в 1935 г. Негативные, но корректные оценки встречались в отношении работ зарубежных историков (Т. Моммзена, К.Ю. Белоха, К. Майгера [Л. 73-74]). Напротив, приветствовались разработки отечественных ученых. Так, П.С. Дроздов подробно остановился на марризме, отметив: «в последнее время в науке академик Марр произвел переворот. Марр доказал, что гипотеза праязыка не научна. Его теория состоит в том, что язык развивается параллельно развитию человеческого общества. Подобно человеческое общество, род, племя, нация, так и язык от языка рода, племя переходил в язык нации. Мелкие языки сливались в язык широкой группы. Развитие языка связано с производственным процессом. Рефлекс производства. Классовый характер языка в классовом обществе» [Л. 6].

Наиболее проблемным для лекторов стало отношение к концепции М.Н. Покровского. Для некоторых из них это было тем сложнее, что ранее они выступали его сторонниками. В лекциях прослеживаются оговорки: так, критикуя трактовку установления Табели о рангах («Покровский считал как уступка дворянству, а на самом деле это оформление бюрократического аппарата» [Л. 169]), Пионтковский часто упоминал семантически на-груженное понятие «торговый капитал» («Сдвиги в хозяйстве – растет торговый капитал... Торговые фактории Строганова. Отсюда стремление к захвату колоний» [Л. 194]). Методологически Покровского критиковал и Косминский: он единственный напрямую использовал дискурсивные практики эпохи («Покровский – абсолютизм господства торгового купеческого капитала. Сталин, Киров и Жданов – разьяснили – говорится о феодальной природе абсолютизма»⁹). Особой критике он подвергал теорию «торгового капитализма»: со ссылкой на Маркса Косминский обосновывал, что «торговый капитализм не создает новой формации, а лишь содействует разложению старой» [Л. 166].

Вместе с тем, насыщенные лекции производят крепкое, добротное, в хорошем смысле слова позитивистское впечатление. Однако были ли готовы слушатели воспринимать их? Не превращались ли лекции профессоров в монолог в силу низкой академической подготовки студенческой аудитории? Здесь нужно упомянуть о двух особенностях коммуникативного процесса в аудитории. Во-первых, мы видим ошибки в тетради слушателя: так, при записи лекции С.А. Пионтковского упомина-

⁹ Там же. Л. 166. Это единственное упоминание указанных имен в источнике.

ется «Екатерина с меньшевиком» [Л. 168об.] (Екатерина с Меншиковым), встречаются и неправильное транскрибирование устной речи лектора, например, «Ерская династия» (Йоркская), «брелоры» (преторы). Порой мы встречаем записи очевидно неверно истолкованных мыслей лектора: например, «законодательство Дракона написано “кровью и мечом”». За частную собственность смертная казнь, за убийство человека штраф. Это говорит, что в этот период много лишних людей» [Л. 81об-82]. Однако привлекает внимание неравномерность распределения ошибок в терминах: так, их почти нет в записях лекций Е.А. Косминского. Очевидно, лектор понимал стоявшие перед слушателями трудности и диктовал или записывал на доске непонятные для аудитории слова. Напротив, «поточными» были лекции В.С. Сергеева. Во-вторых, заметно в речи лекторов нарочитое «снижение», объяснение отдельных сюжетов из истории понятным слушателям языком. Так, в лекциях Пионтковского о Петре Первом упоминаются его обращения за помощью к «иностранным специалистам» [Л. 170об.]. В лекции Сергеева говорится о решении «квартирного вопроса» Цезарем; римские всадники характеризуются как «финансисты», а публикаты как «теперешние акционерные общества» [Л. 116]. Безусловно, если диалог в аудитории и оказывался затруднен, то к нему стремились обе стороны. Любопытно встретившееся нам в личном деле Круглова указание комиссии по чистке 1934 г.: в аудитории Московского индустриально-педагогического института им. К. Либкнехта Круглов высказался о том, что «не реализовали постановление ЦК о высшей школе. Профессорско-преподавательский состав у нас хороший, но в основном молодой. Надо бы побольше солидных преподавателей»¹⁰. То есть слушатель был готов и хотел слушать профессором – об этом свидетельствует и полнота конспекта.

Вопрос – насколько был успешен этот диалог? Однозначного ответа на этот вопрос не позволяет дать различие критериев, предъявляемых к указанным дидактическим текстам. Так, синхронная докладная записка об итогах обследования учебной работы, составленная К. Милоновым в январе 1937 г., отмечала невысокую результативность учебного процесса в ИКП: «лекции проф. Сергеева, блестящие по форме и интересные по охвату разнообразных фактов, представляют из себя голое описание, даже без попытки классового анализа событий. Я не против исторических анекдотов, нужно всячески приветствовать изложение живых исторических фактов и характеристики крупнейших политических деятелей, но неправильно понимать историю, как это делает проф. Сергеев, как простой перечень мало связанных между собой событий», лекции же профессора Дроздова «в противоположность этому почти не имеют живых исторических фактов, представляя из себя если не по со-

¹⁰Там же. Ф. Р-5143. Оп. 1. Д. 385. Л. 15.

держанию, то по форме восстановление “социологизирование” школы Покровского»¹¹. То, что не понравилось комиссии, на деле можно охарактеризовать как крепкую фактологическую подготовку слушателей, имевших до этого порой самые обрывочные представления об истории.

По итогам обучения на первом курсе слушатель Круглов был аттестован на «отлично», высокий бал он получил за усвоение курсов по истории СССР (общая отметка за курс) и по Всеобщей истории (отдельные отметки за историю Древних и Средних веков)¹². Второй курс был не так успешен – будучи аттестованным по историческим дисциплинам, слушатель получил оценку «хорошо» по японскому языку. Осенью 1937 года Сергей Круглов был принят на работу в ИКП преподавателем истории Японии, совмещая эту должность с обучением на третьем курсе¹³. Таким образом, автор конспекта прошел путь от слушателя до преподавателя за довольно короткий срок – это было обычно для успевающего в усвоении академических дисциплин «икаписта». Но преподавателем Сергей Никифорович проработал недолго. Выпуск восточного отделения должен был состояться в 1938 г. Однако приказом от 1 января 1938 г. Институт красной профессуры был ликвидирован. С.Н. Круглов же исчез еще раньше – в декабре 1937 г. он перешел на работу в Отдел руководящих партийных органов (ОРПО) ЦК ВКП(б), откуда менее чем через год был переведен в НКВД. На этом этапе его биографии полученные знания по истории ему уже негодились, тем более, что и часть профессоров, лекции которых он слушал, например, С.Н. Пионтковский и П.С. Дроздов, были репрессированы в 1937 г.

Частный студенческий конспект, отличающийся от отредактированных и «вычищенных» стенограмм лекций, представляет собой уникальную фокусную точку исследования Института Красной Профессуры как образовательной институции (с точки зрения организации учебного процесса, его кадрового состава, характеристик и академической успеваемости слушателей) и дает яркий пример практической реализации одного из «государственных» проектов в сфере науки и элитарного образования в 1920–1930-е гг. Хотя исторический нарратив, созданный преподавателями ИКП, соответствует идеологическим требованиям власти и написан в рамках марксистской методологии, с некоторым (незначительным) использованием цитат классиков марксизма-ленинизма, «полюемически заострен» против представителей буржуазной историографии, а акценты расставляются порой с учетом классового подхода, в исследовательской методике, подходе к объекту изучения, а также в организации и атрибутике дидактических текстов преподавате-

¹¹ Там же. Оп. 4. Д. 4. Л. 126-126об.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 385. Л. 30-30об.

¹³ Там же. Оп. 4. Д. 2. Л. 30.

ли Института Красной Профессуры отчасти воспроизводят классический позитивистский вариант науки. Анализ лекционного конспекта позволяет говорить о сохранении в 1920–1930-е гг. матрицы научной работы – пусть и обрывочных, во многом подвергшихся рецепции в советское время представлений о «научности» исторического знания.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 2401. Списки руководящего, научного и профессорско-преподавательского состава институтов Красной Профессуры по состоянию на май 1937 года.
- Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5143. Оп. 1. Д. 385. Личное и академическое дело слушателя ИКП истории С.Н. Круглова.
- Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Докладная записка о работе ИКП истории с 1931 г.
- Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 4. Переписка [ИКП Истории] с Комитетом по заведыванию учеными и учебными заведениями об открытии новых кафедр, об итогах обследования учебной работы.
- Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10146. Оп. 1. Д. 5. Тетради с записями Круглова С.Н. лекций профессоров и преподавателей ИКП. 1935-1936.
- Авторханов А.В.* Мемуары. Frankfurt/M., 1983. [Avtorhanov A.V. Memuary. Frankfurt/M.: Posev, 1983] URL: <https://www.litmir.me/br/?b=52751&p=83>.
- Берендт Л.-Д.* Институт красной профессуры: "кузница кадров" советской партийной интеллигенции (1921–1938). // За железным занавесом: мифы и реалии советской науки. СПб., 2002. С. 166-197. [Berendt L.-D. Institut krasnoj professury: "kuznitsa kadrov" sovetskoy partijnoj intelligencii (1921–1938). // Za zheleznym zhanavesom: mify i realii sovetskoy nauki. SPb., 2002. S. 166-197]
- Козлова Л.А.* Институт Красной Профессуры (1921-1938): историографический очерк // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 96-112 [Kozlova L.A. Institut Krasnoj Professury (1921-1938): istoriograficheskij ocherk // Sociologicheskij zhurnal. 1994. № 1. S. 96-112].

Долгова Евгения Андреевна, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, dolgova-evg@rambler.ru

The notes of lectures by student of the Institute of Red Professors (in History) or about the possibilities of dialogue in the classroom in the 1930s

The article explores a curious source of personal origin such as the notes of lectures by student of the Institute of red professors (in History) for the 1935-1936 academic year. Analyzing the lectures of Vasilij Struve, Vladimir Sergeev, Evgeniy Kosminsky, Petr Drozdov, Sergey Piontkovsky, Sergey Bakhrushin, the author examines the possibility of a dialogue in IKP (between the "Icapists" and "bourgeois professors") and concludes that although the historical narrative created by the teachers of the IKP was written in the framework of Marxist methodology, inside the citations of the classics of Marxism-Leninism, its metodological approach, as well as the organization and attributes of didactic texts partly reproduce the classic positivist version of science.

Keywords: Institute of Red Professors, "bourgeois" professors, lecture, communication, historical narrative, positivism, Marxism

Evgeniya Dolgova, PhD (in History), associate professor, Russian State University for the Humanities, dolgova-evg@rambler.ru